
Ника Кумихо
Пока ты меня помнишь
Память сильнее времени.
Любовь сильнее забвения.

Ника Кумихо
Пока ты меня помнишь

https://litres.ru/74887613
SelfPub; 2026

Аннотация

Он должен был оберегать её. Но совершил единственную ошибку, которую небеса не способны простить.

Он полюбил.

Алиса не помнит их первой встречи. Не знает, кто скрывается за холодностью загадочного новенького. И не понимает, почему его синие глаза кажутся такими родными.

Но чем ближе она подбирается к истине, тем опаснее становится их связь.

Ведь у любви между человеком и ангелом есть цена.

Содержание

Пролог	4
1 глава (Обыкновенное утро)	13
2 глава (Незнакомые глаза)	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Пока ты меня помнишь

Пролог

Дождь начался ещё на выезде из города. Сначала редкие капли лениво стекали по лобовому стеклу, но вскоре превратились в сплошные косые полосы. Дворники метались из стороны в сторону, едва успевая освобождать дорогу взгляду, а впереди, за светом фар, лежала темнота.

На пассажирском сиденье шестнадцатилетняя девушка прижималась плечом к двери. На коленях у неё лежал телефон с погасшим экраном. Она уже несколько минут делала вид, что внимательно рассматривает ночной лес за окном, хотя на самом деле видела лишь собственное сердитое отражение.

— Может, всё-таки поговорим? — спросил мужчина за рулём.

Девушка не ответила.

— Я понимаю, что ты расстроена.

— Я не расстроена.

— Тогда почему молчишь уже полчаса?

— Потому что мне нечего сказать.

Отец вздохнул. Он не повысил голос, и от этого становилось только обиднее. Лучше бы снова начал спорить: тогда она смогла бы доказать, что права. А теперь он говорил спо-

койно, словно им обоим было по пятьдесят и они обсуждали не запрет на поездку с друзьями, а очередную неприятность на работе.

— Я не запрещаю тебе общаться с ними. Я прошу предупреждать, куда вы едете и когда возвращаетесь.

— Я предупредила.

— После того, как вы уже купили билеты.

— Потому что я знала, что ты скажешь «нет».

— И ты решила, что это веская причина ничего не обсуждать?

Девушка отвернулась к окну. За стеклом скользнули огни заправки и исчезли в дождевой пелене. По дороге им оставалось ехать совсем немного. Дома ждала мама, наверняка приготовившая целую речь о доверии и ответственности. А ещё младшая сестра, которая обязательно спросит, почему все такие злые, и начнёт хихикать, едва услышит ответ.

— Ты ведь знаешь, почему я беспокоюсь, — тихо сказал отец.

— Да. Потому что считаешь меня маленькой.

— Потому что ты моя дочь.

— Мне шестнадцать. Через два года я буду взрослой, а ты всё равно собираешься решать за меня.

— Когда тебе будет восемнадцать, мы обсудим это ещё раз.

Она резко повернулась.

— Вот именно! С тобой бесполезно разговаривать. Ты всё

равно ничего не слышишь.

Мужчина бросил на неё короткий взгляд и снова сосредоточился на дороге.

— Я слышу. Просто не всегда соглашаюсь.

— Хоть бы иногда оставил меня в покое!

Последние слова прозвучали громче, чем она собиралась. В салоне воцарилась тишина. Девушка ждала ответа, но отец только крепче взялся за руль. От этого молчания стало неловко. Она почти решилась сказать, что не имела в виду ничего серьёзного, когда впереди, за изгибом дороги, вспыхнули чужие фары.

Всё произошло слишком быстро.

Сначала две ослепительные точки, оказавшиеся почему-то на их полосе. Потом резкий сигнал клаксона. Отец выругался и повернул руль вправо. Машину повело по мокрому асфальту. Девушка схватилась за ручку двери, не успев даже вскрикнуть.

Раздался удар.

Что-то с оглушительным треском разбилось. Ремень безопасности впился в грудь. Перед глазами вспыхнул белый свет, сменившийся темнотой.

Она не знала, сколько времени прошло, прежде чем смогла снова открыть глаза.

В салоне пахло горелым пластиком и сырой землёй. Где-то мерно щёлкало, будто неисправные часы пытались отсчитать последние секунды. Дождь попадал внутрь через разби-

тое боковое окно. Девушка попробовала пошевелиться и тут же вскрикнула от боли.

— Папа?.. — позвала она едва слышно.

Мужчина сидел рядом, неестественно наклонив голову. Его лицо терялось в полумраке.

— Пап, посмотри на меня.

Ответа не было.

Она потянулась к отцу, но ремень удержал её на месте. Пальцы скользнули по мокрой обивке. Воздуха вдруг стало не хватать.

— Пожалуйста…

Снаружи послышались шаги. Девушка вздрогнула. Кто-то появился за разбитым окном — светлая фигура на фоне тёмных деревьев.

— Слышишь меня? — спросил незнакомый голос.

Она с трудом кивнула.

— Я сейчас помогу тебе. Постарайся не двигаться.

Дверь с её стороны не поддавалась. Незнакомец на мгновение исчез, затем что-то хрустнуло и металл со скрежетом отогнулся. Холодный воздух ударил в лицо.

Она успела увидеть светлые, почти белые от дождя волосы. Совсем молодое лицо. Глаза необыкновенно яркого синего цвета.

— Папу, — прошептала она, когда парень наклонился к ней. — Сначала помоги папе.

Он замер. Девушка увидела, как изменилось его лицо, и

испугалась ответа ещё до того, как он что-либо произнёс.

— Пожалуйста, — повторила она.

— Я слышу тебя.

Он освободил ремень и осторожно подхватил её на руки. Девушка попыталась сопротивляться, но тело почти не слушалось.

— Нет… Я не могу его оставить…

— Сейчас нужно вынести тебя отсюда.

Он говорил спокойно. Уверенно. Так, словно в мире существовало место, где не было ни разбитых машин, ни крови, ни страха, и он знал дорогу туда.

Она почувствовала, как холодные капли коснулись лица, когда парень вынес её из салона. За его плечом блеснули остатки стекла. Где-то далеко зазвучал протяжный вой сирены.

— Не закрывай глаза, — попросил он.

Но веки становились всё тяжелее. Она хотела ещё раз позвать отца, однако голос не повиновался. Мир провалился в темноту — прежде, чем она успела произнести ещё хоть слово.

***

Когда девушка снова открыла глаза, дождя не было.

Она сидела на берегу незнакомого пруда, обхватив колени руками. Над водой стелился лёгкий серебристый туман. На противоположном берегу росли высокие деревья с почти белыми стволами, их ветви были неподвижны, хотя откуда-то

доносился шелест листвы. Небо отражалось в воде — глубокое, ясное, усеянное звёздами, — но стоило поднять голову, и там обнаруживалась лишь мягкая белёсая пустота.

Девушка нахмурилась. На ней была всё та же куртка, только чистая и сухая. Ничего не болело. Это почему-то не успокаивало.

— Где я?

— В безопасном месте.

Она резко обернулась.

Рядом сидел светловолосый парень. Тот самый, что вытащил её из машины. Теперь его волосы были сухими, а на рубашке не осталось ни единого пятна.

— А папа? — сразу спросила она. — Он с тобой? Ты его спас?

Парень опустил взгляд к воде. И она поняла. Не потому, что кто-то произнёс страшные слова. Просто вдруг вспомнила его неподвижную руку на руле, странную тишину в салоне и взгляд незнакомца, когда она просила помочь отцу.

— Нет, — прошептала девушка. — Нет, этого не может быть.

Она поднялась слишком резко. Сделала шаг, другой, огляделась в поисках тропинки.

— Мне нужно вернуться. Я скажу ему, что не хотела… Мы же просто поссорились. Он должен знать.

— Послушай…

— Не надо! — выкрикнула она. — Ты ничего не понима-

ешь!

Парень не стал возражать.

Девушка опустилась на колени у самой воды. Слёзы падали на неподвижную поверхность, не оставляя кругов. Она пыталась вспомнить, говорила ли отцу сегодня, что любит его. Утром? Вчера? На прошлой неделе? В памяти оставались только последние злые слова.

— Он думает, что я не хотела его видеть, — выговорила она сквозь рыдания. — А я хотела. Я просто злилась.

Парень сел рядом, оставляя между ними немного места.

— Последняя ссора не перечёркивает всё, что было до неё, — тихо сказал он.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что любовь не исчезает из-за нескольких сказанных в сердцах слов.

Она плакала, пока не стало трудно дышать. Потом осторожно придвинулась ближе, и парень обнял её за плечи. Не слишком крепко, не удерживая. Просто позволил спрятать лицо у него на груди.

Они долго сидели молча. Вода оставалась неподвижной. Белые деревья казались нарисованными на стекле.

— Я не хочу туда, — прошептала девушка наконец. — Дома всё будет не так.

— Не будет.

Она подняла на него заплаканные глаза. Ей хотелось, чтобы он солгал, пообещал, что завтра всё вернётся на свои ме-

ста. Но парень смотрел на неё с такой печалью, что обманывать не собирался.

— Боль не исчезнет сразу, — сказал он. — И ты не обязана делать вид, что тебе легко. Но там остались люди, которым ты нужна. И твоя собственная жизнь тоже осталась там.

— А если я не смогу?

Он чуть крепче обнял её.

— Тогда будешь пробовать снова. День за днём. Не обязательно сегодня быть сильной.

Она закрыла глаза. Ей казалось, что если просидеть здесь достаточно долго, время остановится навсегда. Не придётся говорить маме. Не придётся смотреть на младшую сестру. Не придётся входить в дом, где больше никто не скажет привычное: «Я вернулся».

— Мне страшно, — призналась она.

— Я знаю.

Парень поднялся и протянул ей руку. Где-то за белыми деревьями проступил далёкий золотистый свет.

— Пора возвращаться.

Она не двигалась. Тогда он опустился перед ней на одно колено, чтобы их глаза оказались на одном уровне.

— Я прошу тебя только об одном, — сказал он.

— О чём?

— Обещай мне, что будешь жить.

Девушка посмотрела на его протянутую ладонь. Потом на воду, в которой по-прежнему отражались невозможные звёз-

ды.

Она не знала, кто он. Не понимала, где находится и почему рядом с ним не боится так сильно, как должна бы. Но в его голосе было что-то, чему хотелось поверить.

Она вложила дрожащие пальцы в его руку.

— Обещаю.

1 глава (Обыкновенное утро)

Будильник прозвенел в семь ноль три.

Вообще-то он должен был прозвенеть в половине седьмого. И наверняка прозвенел. Просто я, судя по всему, трижды нажала «отложить», не приходя в сознание настолько, чтобы запомнить собственное предательство.

— Замечательно, — пробормотала я, глядя на экран. — Первый понедельник семестра, а я уже образец организованности.

За стеной хлопнула дверца шкафа. Потом послышался возмущённый голос Сони:

— Мам! Ты не видела мой чёрный свитер?

— На сушилке! — отозвалась мама из кухни.

— Я его вчера снимала!

— Поэтому он и на сушилке!

Я натянула одеяло на голову. Иногда мне казалось, что наш дом функционирует исключительно благодаря трём вещам: маминому терпению, Сониной способности терять одежду и моему желанию хотя бы иногда поспать.

Последняя составляющая, правда, систематически выходила из строя.

Через десять минут я уже стояла у зеркала, пытаясь собрать непослушные каштановые волосы. За окном серело февральское утро. На подоконнике лежала тонкая полоска

снега, а дворник внизу с таким отчаянным усердием скрёб дорожку, будто лично собирался победить зиму.

Я натянула свободный свитер, взяла со стола рюкзак и по привычке проверила содержимое. Ключи, кошелёк, телефон, студенческий, наушники, блокнот. Зарядка. Запасная ручка. Вторая запасная ручка — на случай, если первая решит испортить мне жизнь.

В коридоре я едва не столкнулась с Соней.

— Ты почему ещё дома? — спросила она.

— Доброе утро и тебе.

— У тебя же первая пара в девять.

— Спасибо, что напомнила. А ты в школу не собираешься?

Соня закатила глаза. На ней была широкая чёрная толстовка, волосы собраны кое-как, а на одном ухе болталась серебристая серьга. Вторую она, вероятно, потеряла в той же загадочной вселенной, куда регулярно исчезали её носки.

— Собираюсь. Вообще-то уже собралась.

Я машинально скользнула взглядом по её рукам.

— Телефон зарядила?

— Да.

— Сколько процентов?

— Алиса.

— Соня.

— Восемьдесят шесть. Ты счастлива?

— Почти. Сегодня после школы сразу домой?

Она тяжело вздохнула.

— У нас репетиция для школьного выступления. Я говорила.

— Во сколько закончите?

— Не знаю. Часов в шесть.

— Тогда напиши, когда освободишься. И не задерживайся допоздна.

— Мне шестнадцать, а не шесть!

— Я заметила. В шесть ты ещё не умела так эффектно закатывать глаза.

— Ты невозможная.

Соня прошла мимо меня на кухню, намеренно задев плечом. Я хотела окликнуть её и ещё раз напомнить про телефон, но вовремя вспомнила, что уже сказала об этом дважды. Впрочем, это не означало, что я перестала беспокоиться.

За завтраком пахло тостами и свежим кофе. Мама стояла у плиты и помешивала овсянку, одновременно отвечая на рабочее сообщение. Ей каким-то непостижимым образом удавалось делать три дела сразу и при этом замечать, если кто-то забывал надеть шарф.

— Садись, — сказала она, не оборачиваясь. — Я тебе яйцо сварила.

— Я опаздываю.

— Тем более садись. На голодный желудок быстрее всё равно не добежишь.

Я подчинилась. Спорить с мамой в вопросах еды было бессмысленно, а иногда и опасно.

Соня сидела напротив, мрачно водя пальцем по экрану телефона. Я заметила, что она переписывается с одноклассниками, и подавила желание спросить, с кем именно. В конце концов, именно этого она и добивалась — чтобы я хоть иногда занималась собственными делами.

— Какой сегодня предмет? — спросила мама.

— Психология кризисных состояний. Потом семинар по консультированию.

— Сразу с первого дня нагрузили?

— Они считают, что магистранты должны быть счастливы от любой возможности учиться.

— Ты ведь сама выбрала это направление, — напомнила Соня, не отрываясь от телефона.

— И теперь имею полное право жаловаться на последствия своего выбора.

Мама усмехнулась и поставила передо мной чашку.

Я потянулась за сахаром и случайно задержала взгляд на фотографии, стоявшей на полке у окна. Четверо улыбающихся людей на берегу озера. Маленькая Соня с криво завязанными хвостиками, мама в светлой куртке, я — с обгоревшим носом. За нашими спинами отец, щурящийся на солнце. Его руки лежали у нас с Соней на плечах.

Фотографию сделали задолго до аварии.

Я знала каждую её деталь. Царапину на рамке, мамину

улыбку, отцовскую дурацкую кепку, которую мы все терпеть не могли. И всё равно иногда смотрела на снимок так, словно боялась заметить что-то новое.

— Алиса? — позвала мама.

Я моргнула.

— Что?

— Ты сахар-то положила?

Я посмотрела на ложку в руке.

— Кажется, да.

— Ты его уже третий раз насыпаешь, — заметила Соня.

Я заглянула в чашку. На дне лежала впечатляющая сахарная гора.

— Отлично. Теперь у меня будет сироп вместо кофе.

Мама молча подвинула ко мне другую чашку. Я благодарно улыбнулась. Фотография осталась стоять на полке, и никто больше о ней не заговорил.

***

На остановке было скользко. Автобус опаздывал на восемь минут, люди сердито поглядывали на дорогу, а я мысленно пересчитывала время до начала занятий. При нормальном раскладе успевала. При ненормальном — успевала с унизительным забегом от входа до третьего этажа.

Я не любила опаздывать. Даже когда ничего страшного не происходило, внутри возникало знакомое напряжение, словно один маленький сбой непременно потянет за собой десяток других.

В телефоне мигнуло сообщение.

Соня: «Я вышла. Заряд 84%. Геолокацию вселенной пока не отключала».

Я невольно улыбнулась.

«Очень смешно. Хорошего дня», — написала я.

Через секунду пришло сердечко. А потом второе сообщение: «Ты тоже не забудь поесть, главная тревожная мать семейства».

Я убрала телефон и посмотрела на заснеженную улицу. Соня была права чаще, чем мне хотелось признавать. Иногда я сама уставала от того, сколько всего приходилось держать в голове. Маршруты, расписания, чужие обещания, вероятные неприятности. Особенно неприятности. Они каким-то образом занимали в моих мыслях больше места, чем реальные события.

Наверное, отчасти поэтому я и пошла в психологию.

Не потому, что собиралась научиться читать людей насквозь. И уж точно не ради возможности раздавать непрошеные советы. Мне хотелось понять, почему одна и та же потеря одних заставляет замолчать, других — злиться, а третьих — держаться за привычный порядок так отчаянно, словно от этого зависит их выживание.

Мы с мамой и Соней пережили одну трагедию. Но иногда казалось, что жили после неё в трёх совершенно разных мирах.

Мама почти перестала говорить о прошлом. Соня, напро-

тив, цеплялась за настоящее и раздражалась, когда её пытались ограничивать. А я составляла списки. Списки покупок, занятий, дел, запасных вариантов. Словно любую боль можно было уменьшить, если достаточно хорошо подготовиться.

Автобус наконец подъехал, и я вместе с остальными пассажирами протиснулась внутрь.

***

— Ты выглядишь так, будто уже сдала три экзамена, — заявила Вика вместо приветствия.

Она ждала меня у гардероба, размахивая двумя стаканчиками кофе. Рыжеватые пряди выбились из-под шапки, шарф был завязан каким-то невероятным узлом, а улыбка говорила, что хорошее настроение сегодня у неё на целый факультет.

— Если бы я сдала три экзамена, выглядела бы гораздо счастливее.

— Тогда держи. Твоё спасение.

Я приняла кофе.

— Ты чудо.

— Знаю. Только не влюбляйся, пожалуйста. У меня и без того сложная личная жизнь.

— Договорились. Что у нас по расписанию?

Вика прищурилась.

— Ты серьёзно? У тебя в телефоне календарь, на столе планер и, подозреваю, отдельная папка с резервными расписаниями.

— Поэтому я и спрашиваю. Вдруг университет решил разрушить мою систему.

— Пока нет. Но Марина Сергеевна обещала новый групповой проект.

Мы поднялись на третий этаж. В коридорах стоял привычный шум: кто-то спорил о зачётах, кто-то жаловался на отопление, несколько первокурсников пытались понять, куда исчез нужный кабинет. Волнение оказалось неожиданно приятным. После каникул я успела соскучиться по этому шуму. Как ни странно, учёба мне действительно нравилась. Особенно моменты, когда после долгого обсуждения сложная тема вдруг становилась понятнее.

На семинаре Марина Сергеевна Лебедева попросила нас разобрать историю условного клиента, пережившего серьёзную утрату. Мы обсуждали не диагнозы, а то, как разговаривать с человеком, который пока не знает, что делать со своей болью.

— Самая распространённая ошибка начинающего консультанта? — спросила преподавательница.

— Желание немедленно всё исправить, — ответила я.

— Почему ошибка?

Я немного подумала.

— Потому что чужую жизнь нельзя прожить за другого. Даже если тебе кажется, что ты точно знаешь, как будет лучше.

Вика, сидевшая рядом, выразительно покосилась на меня.

Я сделала вид, что не заметила.

— Именно, — кивнула Марина Сергеевна. — Иногда наша задача не избавить человека от любых трудностей, а помочь ему найти собственный способ справляться.

Я записала фразу в блокнот и вдруг вспомнила сегодняшний разговор с Соней. Захотелось что-нибудь возразить — хотя бы мысленно. С сестрой всё было иначе. Она могла забыть предупредить, уйти гулять в мороз без шапки, сесть в машину к кому-нибудь из друзей. Разве не естественно пытаться её защитить?

Вопрос остался без ответа.

К концу занятия мы получили темы будущих проектов, список литературы и предупреждение, что свободного времени в семестре будет меньше, чем нам хотелось бы.

Я уже собирала вещи, когда Марина Сергеевна попросила задержаться на минуту.

— И ещё одна новость, — сказала она. — Завтра к вашей группе присоединится студент, переведённый из другого университета. Помогите ему освоиться с программой. Первые недели у нас и без того достаточно напряжённые.

По аудитории прокатились оживлённые реплики. Кто-то спросил, откуда перевод, кто-то сразу заинтересовался, придётся ли переделывать группы для проекта. Преподавательница пообещала всё объяснить завтра.

— Надеюсь, он умеет оформлять исследования, — прошептала Вика. — Тогда заберём его себе.

— Ты даже имени не знаешь.

— Зачем мне имя, если он умеет делать таблицы?

Я рассмеялась и закрыла блокнот. В нём уже были расписаны ближайшие две недели: пары, чтение, встречи с Викой, семейные дела. Новому студенту в этом списке пока не отводилось никакого места.

Если бы кто-нибудь тогда спросил, что я жду от знакомства, я пожала бы плечами. Ещё один студент. Ещё одно имя в списке.

2 глава (Незнакомые глаза)

На следующий день я пришла в университет на двадцать минут раньше.

Не потому, что ждала знакомства с новым студентом. По крайней мере, именно так я объяснила себе собственную пунктуальность, пока стояла перед автоматом с кофе и безуспешно пыталась убедить его принять купюру.

— Он тебя не любит, — сообщила Вика, появившись за моей спиной.

— Я начинаю отвечать ему взаимностью.

— У него есть повод. Ты уже пять минут пытаешься заплатить бумажкой, которую он явно считает оскорбительной.

Я разгладила несчастные сто рублей о край блокнота.

— По-твоему, техника способна испытывать чувства?

— Конечно. Особенно университетская. У неё один главный принцип: страдания студентов должны быть регулярными.

С третьей попытки автомат сжалился и выдал стаканчик. Вика победно вскинула руки, будто лично осуществила сложную инженерную операцию.

Мы устроились на подоконнике в коридоре возле аудитории. За окном медленно кружились редкие снежинки. Я пролистывала конспект вчерашнего занятия, а Вика пересказывала историю о знакомой, которая рассталась с парнем, по-

тому что тот забыл её день рождения, а потом выяснилось, что они встречались всего четыре дня.

— И она всерьёз считает это предательством, — закончила Вика.

— Возможно, они просто по-разному понимали серьёзность отношений.

— Алиса, пожалуйста, не превращай каждую сплетню в консультативный случай.

— А ты не рассказывай мне сплетни с такой богатой клинической картиной.

Вика фыркнула и бросила в меня бумажной обёрткой от батончика.

Когда прозвенел звонок, мы зашли в аудиторию одними из первых. Я выбрала привычное место у окна во втором ряду. Вика села рядом, достала ноутбук и тут же открыла не учебные материалы, а переписку.

— Напомни, как зовут новенького? — спросила она.

— Не знаю.

— Ты же вчера всё записывала.

— Расписание занятий. Не биографию незнакомого человека.

— Какая упущенная возможность.

Марина Сергеевна вошла ровно в девять. Она положила на кафедру папку, поприветствовала группу и уже собиралась начать, когда дверь тихо открылась.

— Прошу прощения. Можно?

Я подняла голову.

На пороге стоял высокий светловолосый парень в тёмном пальто. На плече у него висела сумка, а на лице была спокойная, чуть смущённая улыбка человека, который прекрасно понимает, что привлёк всеобщее внимание, но не собирается устраивать из этого трагедию.

— Вы, должно быть, наш новый студент? — уточнила преподавательница.

— Да. Рафаэль Ланской.

Он произнёс имя негромко, но отчётливо. Кто-то на задних рядах шепнул: «Красивый». Вика толкнула меня локтем. Я уже приготовилась ответить ей что-нибудь ехидное, когда парень повернулся к аудитории.

Его взгляд остановился на мне. Одно короткое мгновение — и он уже смотрел в другую сторону. И этого оказалось достаточно, чтобы у меня перехватило дыхание.

Я не знала этого человека. Уверена, что не знала. Мы никогда не учились в одной школе, не встречались у друзей, не сталкивались на улице. Я бы запомнила такие глаза — яркие, синие, почти невозможного цвета.

Но внутри внезапно что-то сжалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.